
Столкновения вокруг культуры: к оценке роли идей в исследованиях проблем безопасности

Майкл Деш

Культуралистские подходы уже давно занимают важное место в научных исследованиях в области международной безопасности. С начала Второй мировой войны было два всплеска популярности этих подходов, и сейчас мы находимся на пике третьего¹. Сторонники культуралистских интерпретаций проблем безопасности довольно сильно различаются между собой, но всех их объединяет убежденность в том, что реализм — преобладающая в области международных отношений исследовательская парадигма, уделяющая основное внимание материальному балансу сил, — незаслуженно популярная, а то и попросту обанкротившаяся концепция, в то время как культуралистские теории, выдвигающие на первый план фактор ментальности, гораздо лучше объясняют мировую политическую динамику.

Эта статья рассматривает и оценивает последнюю культуралистскую волну исследований по проблемам безопасности на примере наиболее значимых работ. Без сомнения, практически все культуралистские теории в той или иной мере помогают нам понимать поведение государств. Главный вопрос в другом: служат ли эти теории всего лишь дополнением к реалистической парадигме или же могут ее заменить? На мой взгляд, учитывая мировую политическую действительность, нет оснований полагать, будто культуралистские подходы смогут вытеснить реализм и отправить его в мусорную корзину социальной теории. В лучшем случае новые интерпретации могут иногда с пользой дополнять реалистические.

Нынешняя волна культурализма в изучении проблем безопасности, поднявшаяся после окончания холодной войны, представляет собой обширную совокупность работ, разнообразных по объекту исследования (военная доктрина, эскалация, приобретение вооружений, большая стратегия, принятие внешнеполитических решений), исследовательской методологии (от явно позитивистской до открыто антипозитивистской), а также по набору используемых объяснительных переменных (факторов).

Статья Майкла Деша (Michael C. Desch) «Столкновения вокруг культуры: к оценке роли идей в исследованиях проблем безопасности» («Culture Clash: Assessing the Importance of Ideas in Security Studies») была напечатана в журнале «International Security» (Summer 1998. Vol. 23. № 1 P. 141—170). Здесь публикуется с любезного разрешения редакции указанного журнала.

В этой волне можно выделить четыре основных подхода: *организационный, политический, стратегический и глобальный*. Например, Джеффри Легро полагает, что военные в разных странах различаются по организационной культуре и поэтому ведут войну по-разному². Элизабет Кир утверждает, что в различных национальных политических культурах приняты разные средства контроля над военными, причем специфику этих средств определяют внутренние политические мотивы, а не внешние стратегические соображения³. Подобным образом рассуждают и Питер Катценштейн, и Нобуро Окавара, и Томас Бергер, которые отмечают, что политические установки по отношению к использованию военной силы заметно различаются даже в странах, занимающих сходное положение в международной системе⁴. По мнению Стивена Розена, общества с разной социальной структурой отличаются друг от друга и по уровню военной мощи⁵. Иэйн Джонстон приходит к выводу, что большая стратегия государства объясняется главным образом национальными особенностями стратегической культуры, а не требованиями международной системы⁶. Как полагает Марта Финмор, характер вмешательства великих держав в конфликты диктуют не столько национальные интересы, сколько глобальные культурные нормы⁷. На сходных позициях стоят Ричард Прайс и Нина Танненволд, которые считают, что неприменение определенных видов оружия объясняется прежде всего глобальными культурными нормами, запрещающими их использование⁸. Роберт Херман высказывает мнение, что Советский Союз вышел из холодной войны под воздействием притягательной силы культуры и норм Запада⁹. По утверждению Томаса Рисс-Каппена, такие союзы, как НАТО, формируются и сохраняются не в ответ на некие общие угрозы, а на основе приверженности *глобальным* нормам¹⁰. Подобного подхода придерживается и Майкл Барнетт, по мнению которого международные союзы возникают не в результате осознания общей угрозы, а на базе общей идентичности¹¹. Наконец, Дейна Эйре и Марк Зухман считают, что все государства обзаводятся одними и теми же типами высокотехнологичных обычных вооружений не потому, что реально в них нуждаются, а потому, что эти вооружения символизируют государственный престиж (*stateness*)¹².

Во всех этих разнообразных тезисах есть общий мотив: неудовлетворенность тем, как с позиций реализма интерпретируется поведение государств в сфере национальной безопасности. Иэйн Джонстон отметил: «Все [культуралистские подходы] направлены против реалистической парадигмы и уделяют особое внимание тем ситуациям, в которых конкретный стратегический выбор нельзя объяснить, оперируя понятием реального интереса»¹³. Очевидно, что культуралистские теории стремятся оспорить господство реализма. Спрашивается, на что они могут претендовать: полностью вытеснить реалистические интерпретации или же лишь стать до-

полнением к ним? ¹⁴Некоторые адепты культуралистского подхода решительно отвергают реализм как основу всякой попытки объяснить стратегическое поведение и утверждают: материальные и структурные факторы имеют лишь «второстепенное значение» ¹⁵. Другие признают, что иногда структурные факторы могут оказаться важнее культурных, хотя чаще справедливо обратное ¹⁶. Но все сходятся в том, что культурные переменные — нечто большее, чем «надстройка» над материальным «базисом», и зачастую способны объяснить события, не укладывающиеся в рамки реалистического истолкования ¹⁷. Поскольку ни один сторонник реализма не считает, будто реалистический подход объясняет все на свете ¹⁸, никто не станет возражать против того, что культурные и другие факторы следует учитывать в дополнение к реалистической концепции. Главный предмет спора — могут ли культуралистские теории вытеснить реализм. Чтобы доказать это, культуралистам пришлось бы продемонстрировать, что их теории работают лучше, чем реалистический подход, даже там, где культуралистские интерпретации наталкиваются на трудности. Однако, как я покажу ниже, новые культуралисты в большинстве своем такие «трудные случаи» не рассматривают.

В начале статьи я прослеживаю возникновение, развитие и упадок культуралистских теорий в сфере проблем безопасности. Затем рассматриваю трудности, которые возникают при проверке на фактах культуралистских теорий, появившихся после окончания холодной войны. Далее показываю, что третьей волне культурализма не под силу вытеснить реализм. Затем я высказываю свои соображения, в каких случаях и каким образом эта волна может дополнить реалистические интерпретации проблем безопасности. И наконец, я делаю заключительный вывод, который можно кратко сформулировать так: возрождение интереса к культурным факторам в исследовании проблем безопасности заслуживает одобрения, хотя и с некоторыми оговорками.

Культуралистский подход в исследованиях проблем национальной безопасности

В этом разделе я рассматриваю динамику интереса к культуралистским теориям в области проблем национальной безопасности. Эти теории давно занимают в данной области видное место, но они никогда не были преобладающими. Это, возможно, отчасти объясняет, почему и третья волна культуралистского подхода не сможет подорвать позиции реализма.

Волна периода Второй мировой войны

Развернувшаяся во время Второй мировой войны дискуссия о том, как относиться к державам «оси», во многом протекла под воздействием культуралистских теорий ¹⁹. Так, в США Отдел анализа морального состояния

противника при Управлении военной информации привлек ряд ведущих культурантропологов, в том числе Джоффри Бэйтсона, Рут Бенедикт, Джоффри Горера, Клайда Клакхона, Александра Лейтона и Маргарет Мид, для исследований национального характера в странах «оси», особенно Германии и Японии. И хотя концепция национального характера едва ли реально повлияла на ведение войны, она, несомненно, сыграла огромную роль в восприятии противника американским обществом ²⁰.

Вскоре после окончания войны первая волна культуралистских теорий пошла на убыль. Главной причиной тому была «ядерная революция». Появление у СССР и США невиданного ранее «абсолютного оружия» породило широко распространенное ожидание: обе обладающие им сверхдержавы станут теперь вести себя примерно одинаково. Разрушительную мощь ядерного оружия считали настолько большой, что культурные различия теперь уже не будут иметь особого значения. Взамен «ядерная революция» открыла широкую дорогу общим теориям стратегического поведения, таким, к примеру, как концепция «сдерживания посредством устрашения», черпавшим свои исходные допущения (однородные, рационально действующие субъекты) и методологию (рациональный выбор) из экономики. Подобные теории преобладали в исследованиях проблем национальной безопасности на протяжении первого периода холодной войны — в 1950-е и начале 1960-х годов ²¹.

Волна времен холодной войны

Авторитет общих теорий, основанных на понятиях «сдерживание посредством устрашения» и «принуждение», был подорван двумя фактами: во-первых, нежеланием Советского Союза удовлетвориться достигнутым ядерным паритетом с США; во-вторых, поражением Америки во Вьетнаме. СССР продолжал наращивать свою ядерную мощь даже после того, как она достигла уровня, обеспечивавшего, по общему мнению, «гарантированное уничтожение» противника. Это побудило многих специалистов подвергнуть сомнению исходные допущения (прежде всего гипотезу рационально действующего субъекта), на которых базировалось большинство общих теорий о влиянии ядерных вооружений на поведение государств ²². Соединенные Штаты потерпели неудачу в попытках предотвратить падение некоммунистического режима в Южном Вьетнаме. Это тоже рассматривали как факт, который ставит под вопрос общие теории экономического и политического развития, а также концепции ограниченной войны, основанные на понятии рационально действующего субъекта. Колин Грей сделал на основании этих фактов следующий вывод: «Попытки применить американскую логику сдерживания посредством устрашения ко всем государствам, участвующим в гонке ядерных вооружений, неизбежно приводят к просчетам, если в полной мере не учитывается

своеобразии каждого из этих государств. Соответственно, американские теории ограниченной войны, эскалации, противопартизанских действий и государственного строительства (nation-building) не дают желаемых результатов, если не уделяется достаточно внимания локальному контексту»²³. Выраженная Греем неудовлетворенность общими стратегическими теориями, упускавшими из виду разнообразие «локального контекста», широко распространилась среди специалистов в области безопасности, побуждая их искать альтернативные теории стратегического поведения. Культуралистский подход был единственной альтернативой в поле зрения, и поэтому он вновь приобрел немало сторонников среди тех, кто занимался проблемой безопасности.

Пик этой второй волны пришелся на конец 70-х — начало 80-х годов, когда холодная война между Западом и Советским Союзом вновь обострилась. Некоторые специалисты в сфере безопасности пришли к выводу, что Соединенные Штаты в силу особенностей своей культуры не способны стратегически мыслить и действовать, что ставит их в заведомо проигрышное положение по отношению к СССР²⁴. Одно из направлений в рамках культуралистского подхода сосредоточило внимание на различиях между американскими и советскими военными в области организационной культуры. По словам Ричарда Пайпса, «современная американская стратегическая теория, таким образом, плод брачного союза между ученым и бухгалтером. Профессиональный военный тут оказался в положении отвергнутого любовника»²⁵. Эти аналитики считали советских военных последователями Клаузевица, ориентированными на оперативные действия²⁶. Сторонники культуралистской ориентации при исследовании проблем безопасности полагали, что организационно-культурные различия между советскими и американскими военными резко ограничивают возможности США в ведении холодной войны.

Другие представители культуралистской школы в стратегической теории уделяли главное внимание контрасту между политической культурой США и СССР. По их мнению, Соединенные Штаты с их демократической системой обречены на слабость и нерешительность, поскольку не имеют развитых традиций упорной военной борьбы и искусной государственной политики. Ориентация американского общества на бизнес и торговлю также снижает, на их взгляд, способность государства вести тонкие дипломатические игры. Напротив, Советский Союз они рассматривали как авторитарное государство с высокой степенью внутренней сплоченности, давней военной традицией и укоренившейся привычкой к великодержавной дипломатии. Утверждалось, будто американское общество — по преимуществу буржуазное и торговое, советское же, по существу, крестьянское, что порождает глубоко различающиеся установки в том, что касается международных отношений и конфликтов. Эти ученые были так-

же убеждены, что в силу указанных различий Советский Союз обладает принципиальным преимуществом над США в холодной войне ²⁷.

Позднейшая переоценка неудачи США во Вьетнаме, а также явная американская победа в холодной войне показали, что «культуралисты» конца 70-х — начала 80-х годов были не правы в своих рассуждениях. Действительно, поражение Соединенных Штатов во Вьетнаме породило некоторую озабоченность по поводу недостатков в американской стратегической культуре ²⁸. Однако есть все основания утверждать, что правительство США и американские военные выполнили свою главную задачу — сохранили в 1965—1973 годах некоммунистический режим в Южном Вьетнаме ²⁹. Если США все же и потерпели неудачу, то она объяснялась прежде всего непреодолимыми трудностями государственного строительства и многочисленными пороками их южновьетнамского союзника, а не какими-то дефектами нашей культуры ³⁰. Если именно культурный фактор определил исход вьетнамской войны, то чем объяснить тогда огромное боевое превосходство сил Северного Вьетнама и Вьетконга [НФОЮВ] над южновьетнамской армией? Ведь все они были продуктами сходных политических и стратегических культур. А некоторое время спустя и Советский Союз, несмотря на свою якобы более эффективную политическую и стратегическую культуру, тоже не добился особых успехов в сходной по типу войне в Афганистане ³¹. «Ядерная революция» как радикальный технологический сдвиг в структуре мировой системы в конечном счете оказала примерно одинаковое воздействие если и не на риторику, то на поведение США и СССР ³². Однако самым большим ударом по культуралистским интерпретациям проблем безопасности в эпоху холодной войны стал ее окончательный исход. Вопреки мрачным предсказаниям культуралистов ³³, демократические, коммерчески ориентированные и далекие от клаузевицевского стиля в политике и стратегии Соединенные Штаты одержали явную победу в холодной войне ³⁴, причем в основном с той же политической и стратегической культурой, из-за которой якобы была проиграна вьетнамская война. А вскоре США с легкостью победили в войне в Персидском заливе ³⁵. Одно недавнее исследование показало — несмотря на сочувственное отношение автора к культуралистскому подходу, — как из-за традиционного понимания советской внутренней политики, основанного главным образом на культурных факторах, подавляющее большинство советологов не сумели осознать колоссальные перемены, которые происходили у них на глазах ³⁶. Короче говоря, предсказания, порожденные второй волной культуралистских теорий, оказались в целом далекими от истины.

Третья волна: после холодной войны

Несмотря на очевидную неудачу культуралистских теорий конца 70-х — начала 80-х годов, внезапное окончание холодной войны сти-

мулировало новый всплеск интереса к интерпретации поведения государств в международной системе в свете культуралистского подхода³⁷. Питер Катценстайн предварил свою аргументацию в пользу возвращения к этому подходу при анализе проблем безопасности следующим утверждением: «Трудно отрицать, что имеющиеся теории международных отношений оказались удручающим образом не способны объяснить важнейший переворот в мировой политике»³⁸. Многие исследователи считают, что холодная война закончилась по причине внутренних перемен в Советском Союзе, таких, как экономический крах³⁹ или демократизация⁴⁰. Другие утверждают, что окончание холодной войны было напрямую вызвано «новым мышлением», возникшим благодаря распространению новой глобальной культуры, носителями которой стали сообщества единомышленников: движение за мир, комитеты озабоченных ядерной угрозой ученых и т.п.⁴¹. Все эти объяснения едины в том, что отвергают реалистический подход, постулирующий неослабную конкуренцию между государствами ради усиления их позиций и укрепления безопасности⁴².

Наблюдающееся после окончания холодной войны оживление интереса к культуралистским интерпретациям проблем безопасности отражает и общую тенденцию времени — новый рост внимания к культурным факторам⁴³. Хвалебные отзывы на книгу Роберта Патнэма о демократии и итальянской политической культуре показывают, что культура вновь обретает популярность в качестве объяснительного фактора в социальных науках⁴⁴. Это логично сочетается с возрождением интереса к роли идей⁴⁵ и политической специфике государств⁴⁶, а также с новым всплеском скептицизма по отношению к общим теориям⁴⁷. Культура — это совокупность идей. В большинстве случаев они обладают национально-государственной спецификой, так что учет культурного фактора, как правило, заставляет обращать внимание не на черты сходства между отдельными ситуациями, а на уникальные особенности каждой из них. Наконец, возврат к культуре в исследованиях проблем безопасности привлекает многих ученых тем, что культуралистский подход к этой области менее других ассоциируется с позитивизмом, который исходит из того, что «любое истинное знание может быть только научным»⁴⁸. Неудовлетворенность позитивизмом в последнее время растет среди ученых самых разных направлений. Многие теоретики отвергают его полностью⁴⁹. К тому же скептическое отношение к претензиям современных социальных наук, особенно с позитивистской методологией, традиционно присуще сторонникам интеллектуального консерватизма⁵⁰. Насколько же этот возврат к культуре поможет нам понять стратегическое поведение государств в эпоху после окончания холодной войны?

Оценка культуралистского подхода в исследовании проблем безопасности после холодной войны

При оценке объяснительного потенциала культуралистских теорий третьей волны можно столкнуться с тремя проблемами. Во-первых, культурные факторы нелегко поддаются определению и операционализации. Во-вторых, как считают некоторые культурологи, культурные факторы описывают каждую исследуемую ситуацию как уникально своеобразную (*suī generis*), и поэтому культуралистские теории нельзя широко применять и проверять на большом числе случаев. Наконец, поскольку культурализм, по сути, представляет собой совокупность теорий, иначе говоря, исследовательскую программу, бессмысленно оценивать его в целом; подвергать испытанию фактами следует лишь отдельные теории в рамках данного направления. Все это действительно препятствует оценке культуралистских теорий, однако эти препятствия преодолимы.

Проблема определения и операционализации культурных переменных уже давно осложняет применение культуралистского подхода в науках об обществе. На протяжении 30-х и 40-х годов концепция культуры играла главную роль в антропологии и психологии⁵¹, а в конце 40-х — начале 50-х проникла и в политологию⁵². Однако к середине 70-х годов культуралистский подход был в значительной мере дискредитирован и многие пришли к выводу, что исследовательская методология, основанная на понятии политической культуры, выродилась⁵³. Главная причина такого отношения состояла в том, что сам термин «культура» утратил, казалось, всякий определенный смысл⁵⁴. Культурный фактор был разжалован из главного во второстепенные из-за того, что его было трудно определить и использовать при анализе конкретных ситуаций⁵⁵. Мэри Дуглас выразилась о термине «культура» так: «Ни в одной области знания, претендующей на звание науки, никогда не было столь негодного понятия — по крайней мере, с тех пор, как средневековые ученые видели причину движения планет по небу в дуновении поющих ангелов, а Ньютон заполнял эфиром пустоты в своей модели Вселенной»⁵⁶.

Как заметил Рональд Роговски, неясность имеющихся определений культуры крайне затрудняет формулировку проверяемых на практике теоретических положений, в которых используется это понятие: «Теория с неясными определениями принципиально обречена на неудачу. Неясность в определениях влечет за собой неясность в стратегии и методах, а без четко определенных методов нет возможности убедительно подтвердить или опровергнуть теорию на практике. Главная трудность — в самой теории. Не исключено, что ее можно преодолеть, но... как это сделать, пока неясно»⁵⁷. Обычно используемые дефиниции культуры как «комплекса общих идей, взглядов и норм, присущих человеческим коллективам» настолько широки и неточны, что их крайне трудно операционализировать⁵⁸.

Как и во времена первых попыток культуралистского подхода в политологии, отмечают, что новейшая волна культурализма в исследовании проблем безопасности еще не выработала четкого общепринятого определения культуры⁵⁹. Хотя все видные представители нынешней волны культуралистского подхода, принявшие участие в цитированном выше сборнике «Культура национальной безопасности», едины в убеждении, что не материальные факторы, а идеи наилучшим образом объясняют динамику конкретных ситуаций, термин «культура» они понимают по-разному. При этом в общих рамках культурализма не без труда уживаются друг с другом весьма различные и потенциально несовместимые концепции — «организационная культура» («комплекс общих взглядов, присущих членам... определенной организации»⁶⁰) и «глобальная культура» (совокупность универсальных идей и норм). Так, Дейна Эйре и Марк Зухман утверждают, что все государства обзаводятся одними и теми же типами вооружений, в том числе и ядерным оружием, под воздействием глобальных культуралистских идей о сущности и престиже государства. Но этот тезис трудно совместить с концепцией организационной культуры, в соответствии с которой различные организационные культуры военных разных стран должны побуждать их к принятию на вооружение различных типов техники.

Впрочем, проблема дефиниции культуры не принципиальна, ибо вообще-то определить и сделать это понятие пригодным для конкретных исследований можно. Операциональное определение культуры должно выдвигать на первый план широко разделяемые в обществе идеи, не меняющиеся в зависимости от перемен во внешней и внутренней ситуации. Эти идеи не универсальны для всей международной системы, а обладают национально-государственной спецификой. Например, Джек Снайдер определяет «стратегическую культуру» как «совокупность идей, условных эмоциональных реакций и привычных моделей поведения, общих для всех членов стратегического сообщества страны, которые они усвоили в процессе обучения или подражания»⁶¹.

Другая трудность при оценке культуралистских теорий связана с тем, что некоторые новые приверженцы культуралистского подхода к проблемам безопасности, исходя из постулируемого ими своеобразия каждого конкретного случая, занимаются только специфическими особенностями отдельных ситуаций, а не факторами, общими для ряда случаев⁶². В таком виде культуралистский подход делает невозможным всякое обобщение, ибо открыто оспаривает «принцип однородности объектов исследования», гласящий, что между отдельными случаями всегда достаточно значимых элементов сходства, чтобы производить сопоставления⁶³. Такая методология может давать самое большое «конфигуративно-идеографические» исследования, научное значение которых ограничивается ус-

тановлением пределов применимости общих теорий⁶⁴. Основная идея данного варианта культуралистского подхода — отрицание «внешнего рационализма», постулирующего возможность единого объяснения и прогноза для многих ситуаций⁶⁵. Но будь такое отрицание последовательным, у сторонников этой крайней версии культуралистского подхода практически не было бы исходных элементов для построения их теорий. Без более или менее общих объяснительных факторов невозможны какие бы то ни было предсказания. А предсказания в социальных исследованиях совершенно необходимы — не только в интересах теории (теории нужны, чтобы делать предсказания для проверки теорий)⁶⁶, но и для конкретного политического анализа (теории, не дающие четких предсказаний, не представляют интереса для политиков)⁶⁷.

Проблема уникального своеобразия ситуаций приводит к теоретической дилемме, ускользающей от внимания некоторых новых сторонников культуралистского подхода в исследовании проблем безопасности. Но антрополог Клиффорд Гирц признает ее существование в полной мере: «Огромное естественное разнообразие форм культуры — не только важнейший (и невосполняемый) ресурс развития для антропологии, но и источник глубочайшего теоретического противоречия: как примирить это разнообразие с биологическим единством человеческого рода?»⁶⁸. Несмотря на внешние различия, всем людям присущи некоторые основополагающие черты сходства, на основе которых только и возможны обобщающие теории человеческого поведения. Многие новые культуралисты в сфере проблем безопасности просто недооценивают тот факт, что поведение людей во многом определяется их универсальными анатомо-физиологическими и психологическими характеристиками.

Проблема своеобразия заставляет также задаться более общим вопросом: возможна ли «наука» о культуре?⁶⁹ Некоторые ученые полагают, что культура поддается систематическому изучению⁷⁰. Другие, в частности Гирц, настроены в этом вопросе скептически. По его словам, «анализ [культуры] есть не экспериментальная наука, выявляющая закономерности, а объясняющая, нацеленная на поиск смысла»⁷¹. Как отмечает далее Гирц, культуралистские теории не соответствуют двум существенным критериям науки — принципу накопления знаний и ориентации на предсказание событий⁷². Из этого он делает следующий вывод: «Антропология... — это наука, в которой прогресс определяется не столько уточнением признаваемых всеми результатов исследований, сколько методологическим совершенствованием дискуссии. Тут со временем повышается только степень утонченности, с какой мы раздражаем друг друга в спорах»⁷³. Другой давний сторонник культуралистских теорий, Сэмюэл Хантингтон, вынужден признать: «Культуралистские интерпретации... зачастую неточны либо тавтологичны (либо и то и другое) и в чистом виде сводятся к

научнообразным вариациям на тему “все французы такие”. Культуралистский подход не может удовлетворить исследователя и по той причине, что противоречит свойственной любому ученому склонности к обобщениям»⁷⁴. Таким образом, совместимость культуралистского подхода с позитивистской методологией в науках об обществе всегда была проблематичной⁷⁵. По словам Дэвида Лейтина, «кризис в исследованиях политической культуры возник не из-за того, что ученые исполнились скепсиса и стали считать, что “культура не имеет значения”. Дело в другом: систематическое изучение культуры в рамках политологии было обескровлено неопозитивистской традицией, главное методологическое требование которой состоит в том, чтобы любая теория содержала общие закономерности, которые в принципе могут быть опровергнуты»⁷⁶.

Среди современных сторонников культуралистского подхода к проблемам безопасности есть явные модернисты, исходящие из того, что культурные факторы так же доступны научному анализу, как любые другие переменные, используемые в социальных исследованиях⁷⁷. Есть среди них и неприкрытые антимодернисты. Например, Ричард Прайс и Нина Танненволд заявили, что не считают нужным «рассматривать действительность с точки зрения существующих отдельно и независимо друг от друга факторов, влияние каждого из которых на вариацию может быть измерено статистически»⁷⁸. Таким образом, новые культуралисты в исследовании проблем безопасности оказываются втянуты в неразрешенный спор о том, возможна ли наука о культуре, идущий между Гирцем и Лейтином – крупнейшими представителями, соответственно, антимодернистского и модернистского течений в современной культурологии.

Следует, однако, заметить, что проблема своеобразия не ставит под сомнение культуралистский подход в целом. Культуралистские теории, не позволяющие делать обобщения по ряду ситуаций, могут быть полезны для обобщений по отдельным ситуациям в их исторической динамике. Иначе говоря, культуралистский подход не дает общих моделей поведения разных государств, однако позволяет единым образом интерпретировать внешнюю политику каждого государства на разных этапах его истории. Проблема своеобразия не касается также культуралистских теорий, рассматривающих универсальные нормы, глобальную культуру и цивилизации. Так, хантингтоновская концепция «столкновения цивилизаций» представляет собой общую теорию поведения государств (прежде всего выбора внешнеполитической ориентации) в зависимости от их цивилизационной принадлежности⁷⁹. Некоторые общие теории политической культуры, например концепция «гражданской культуры», разработанная Габриэлем Алмондом и Сиднеем Вербой, также применимы для многих случаев. Да, проблема своеобразия отрицательно сказывается на большинстве теорий, основанных на понятиях национальной политической или

стратегической культуры. Национально-культурные факторы, как правило, недостаточно полно объясняют поведение государств. Но поскольку это не относится ко всем новым культуралистским интерпретациям проблем безопасности, у нас нет оснований оспаривать правомерность культуралистского подхода к этим проблемам вообще.

Последняя трудность, возникающая при оценке новейшей волны культурализма в исследованиях проблем безопасности, связана с тем, что культурализм, как и реализм, представляет собой не единую цельную теорию, а исследовательскую программу⁸⁰. Исследовательская программа — это набор теорий, сходных между собой по основным положениям. Однако во второстепенных положениях эти теории могут сильно отличаться друг от друга, а значит, давать весьма различные предсказания относительно тех же самых ситуаций⁸¹. И наоборот, теории, относящиеся к разным исследовательским программам, могут предсказывать исход конкретной ситуации одинаковым образом. Поэтому имеет смысл не противопоставлять культурализм и реализм вообще, а рассмотреть более конкретные типы теорий, классифицируя их по ориентации на те или иные категории факторов: национальные (внутригосударственные) — международные (глобальные) и материальные — идеальные (ментальные). Результат этой классификации отражен в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

**Типы теорий в сфере национальной безопасности
по основным факторам ***

	<i>Национальные</i>	<i>Международные</i>
<i>Материальные</i>	(1) Организационная теория и традиционный реализм	(2) Структурный реализм, или неореализм
<i>Идеальные</i>	(3) Теории организационной, политической и стратегической культур	(4) Теории глобальной культуры и глобальных норм

* Колин Элман в своей неопубликованной работе выделяет сходные типы теорий. (См.: *Elman C. Do Unto Others As They Would Do Unto You?: The Internal and External Determinants of Military Practices / Unpublished manuscript. Cambridge, Mass.: John M. Olin Institute for Strategic Studies, Harvard University. May 1996. P. 33).*

Структурный реализм, или неореализм, (2) — это общая теория, объясняющая динамику международных процессов, например формирование и распад межгосударственных союзов, исходя из распределения материальных возможностей в международной системе⁸². Организационная теория (1), напротив, уделяет главное внимание материальным интересам организаций, чтобы на их основе объяснить стратегическое поведение государства, к примеру выбор той или иной военной доктрины⁸³. Традиционный реализм, попадающий в ту же ячейку таблицы, интерпретирует международные конфликты с помощью других внутренних факторов, таких, как человеческие интересы. Теории, базирующиеся на концепциях организационной, политической и стратегической культур (3), используют национально-специфические ментальные факторы, чтобы объяснить выбор государством определенного типа большой стратегии или военной доктрины. Наконец, теории, которые объясняют гуманитарную интервенцию, распространение военных технологий и природу межгосударственных союзов, выдвигая на первый план глобальную культуру и международные нормы (4), опираются на более или менее универсальные идеальные факторы.

Культурализм определенно противостоит реализму в целом. Однако и в рамках каждой из этих исследовательских программ есть теории, которые могут противоречить друг другу. Так, Барри Позен продемонстрировал несоответствие между структурно-реалистической теорией баланса сил (2) и организационной теорией (1)⁸⁴. Кроме того, идут острые дискуссии по целому ряду проблем между сторонниками структурного (2) и классического (1) реализма⁸⁵. Что же касается новых культуралистов, то они (за одним заметным исключением)⁸⁶ пока настолько увлечены борьбой с реализмом, что практически игнорируют довольно существенные противоречия внутри собственного лагеря. Между тем культуралистские теории, помещенные соответственно в ячейках (3) и (4) таблицы, не менее альтернативны друг к другу, чем реалистическим теориям в ячейках (1) и (2).

Дихотомия «культурализм — реализм» не только затушевывает важные различия между теориями в рамках культуралистского подхода, но и заставляет упускать из виду принципиальные аналогии между некоторыми культуралистскими тезисами и концепциями, находящимися за рамками культуралистского подхода. Приведу следующий пример. Хотя реалисты не считают, будто все государства обладают одинаковой внутренней структурой и ведут себя одинаково на международной арене, они исходят из понятия функционального сходства между великими державами⁸⁷. Но о таком же функциональном сходстве говорят и сторонники концепции глобальной культуры. Так как же все-таки объяснить это сходство? Мы видим, таким образом, что новые культуралисты не только обходят мол-

чанием существенные расхождения внутри собственной исследовательской программы; иногда их стратегический анализ и прогноз с трудом можно отличить от результатов реалистического подхода.

Представители новой волны культурализма в исследовании проблем безопасности связывают свой подход и с общей социологической перспективой, бросающей вызов материалистическим и рационалистическим теориям⁸⁸. Однако противопоставление «социологического» и «рационалистического» подходов не всегда имеет смысл. Прежде всего неправильно проводить грань между культуралистскими теориями и рационализмом. Ведь многие стратегические культуралисты исходят из того, что определенные общие идеи придают тем или иным видам поведения рациональность, поскольку задают им понятия об издержках и благах. Аналогичным образом неореалисты и сторонники организационной теории полагают: рациональность диктуют материальные структуры. К тому же если считать, что следовать рациональному подходу — значит быть приверженцем модернистской исследовательской эпистемологии, такой, как позитивизм, то говорить о противоположности между социологическими и рационалистическими теориями тоже не приходится. Сами новые стратегические культуралисты заметно расходятся между собой в вопросе о методологических принципах современной социальной науки⁸⁹. Поэтому мне представляется, что будет полезнее не противопоставлять друг другу культурализм и реализм или социологический подход и рационализм как исследовательские программы, а сопоставить культуралистские теории с действительностью и реалистическими теориями, чтобы выяснить, каков их истинный объяснительный потенциал⁹⁰.

Отчего культуралистский подход не может вытеснить реализм

Главная беда новейших культуралистских теорий в сфере безопасности состоит в том, что при объяснении процессов они сами по себе мало что добавляют к уже существующим теориям. У культуралистских теорий времен холодной войны было одно достоинство: они давали четкие предсказания реальных событий, так что можно было сопоставить их данные как с действительностью, так и с результатами других исследований. Однако, как мы уже видели, такой проверки эти теории в целом не выдержали.

Хотя культуралистские теории последних лет по большей части еще не были опровергнуты фактами, уже сейчас можно сказать: им не под силу вытеснить реалистическую методологию в исследованиях национальной безопасности. Причина в том, что новые культуралисты выбирают для анализа лишь определенные ситуации, избегая таким образом «решающих проверок», которые только и позволяют выявить превосходство теорий того или иного типа⁹¹. Вместо того чтобы специально отбирать «трудные

случаи» для культуралистских теорий, представители новой волны культуралистского подхода к проблемам безопасности в основном ограничиваются следующими типами исследуемых ситуаций: 1) случаи «наиболее подходящие» для культуралистских теорий; 2) случаи, где культуралистские интерпретации дают тот же прогноз, что и реалистические; 3) случаи, где культуралистские интерпретации спорны; 4) случаи, исход которых еще рано прогнозировать.

Наиболее подходящие случаи

Хотя культуралистские интерпретации проблем безопасности могут быть верны (и такие случаи есть), это еще не доказывает, что культурализм может прийти на смену реализму. Дело в том, что культуралисты отбирают для своих теорий «наиболее подходящие» случаи, а для альтернативных реалистических концепций — «наименее подходящие»⁹². Таким образом, теория не проходит настоящего испытания действительностью, ибо мы не видим, работает ли она в трудных для себя ситуациях. «Если теория выдерживает жесткую проверку, — указывает Артур Стинчкомб, — ее можно считать более достоверной, чем когда мы подвергаем ее лишь легким испытаниям»⁹³.

Так, тезис Стивена Розена о том, что различные по типу общества разнятся по уровню военной эффективности, несомненно подтверждается на рассматриваемом им примере Индии. Действительно, на протяжении всей своей истории индийское общество было разделено различными социальными барьерами, и это подрывало эффективность военной системы страны. Однако этот пример мало что дает для решения теоретического вопроса об относительной значимости внутристрановых ментальных факторов по сравнению с глобальными материальными. Реалисты вовсе не считают, что все государства одинаковы по внутренней структуре. Они говорят о функциональном сходстве между великими державами, но при этом признают существование различий между ними по внутренней структуре и по поведению на международной арене, обусловленных географическим положением и уровнем военной технологии. Реалисты не станут утверждать, будто Индия или любое другое государство, не являющееся одним из главных постоянных участников глобального политического соперничества, должны иметь такую же эффективную военную машину и такие же особенности внутренней структуры, как страны, играющие в этом соперничестве основные роли⁹⁴. Таким образом, поскольку индийский случай относится к числу «наиболее подходящих» с точки зрения культуралистских теорий, подтверждение этих теорий на примере Индии ничего не говорит об их общих достоинствах.

Еще один пример. По утверждению Марты Финмор, реалисты усматривают возможность вмешательства лишь в тех случаях, когда на карту

поставлены жизненно важные геополитические интересы государств, а следовательно, многочисленные факты гуманитарной интервенции в регионах, не имеющих особой геополитической значимости, должны являться для реалистов неразрешимой загадкой. Это просто неправильная трактовка реалистического подхода. На самом деле реалисты признают, что интересы государств иерархичны: на первом месте, действительно, стоит безопасность, но затем в порядке убывания идут экономическое благосостояние, идеологические мотивы и гуманитарные побуждения⁹⁵. Сама по себе гуманитарная интервенция не противоречит реализму. О таком противоречии можно говорить лишь тогда, когда интервенция ставит под угрозу безопасность государства или его экономические интересы. Как признает сама Финмор в своих исторических экскурсах, «случаи гуманитарного вмешательства в ущерб другим объявленным целям государства или его интересам всегда были крайне редки»⁹⁶. Таким образом, ситуации, которые она рассматривает, также относятся к числу «наиболее подходящих» для культуралистских теорий. И Розен, и Финмор не ошибаются в своих исследованиях и проливают свет на рассматриваемые ими вопросы — о причинах военной слабости государств и о мотивах, побуждающих государства вмешиваться там, где у них нет крупных стратегических интересов. Но никому из этих ученых не удастся продемонстрировать превосходство культуралистского подхода.

Неразличимые случаи

Для второй категории ситуаций, рассматриваемых культуралистами, характерно, что культуралистские теории дают в этих ситуациях почти такие же или даже полностью такие же выводы, что и реалистические теории. Например, Джеффри Легро полагает, что различия в стратегическом поведении — особенно в характере решений об эскалации — между Германией, Великобританией, Советским Союзом и США во время Второй мировой войны объяснялись спецификой организационной культуры, присущей военным этих стран. Однако мало кто из реалистов готов согласиться с утверждением Легро, будто эти различия трудно объяснить в рамках реализма. Хотя реалисты и постулируют функциональное сходство между государствами, они вполне допускают, что государства с различным географическим положением и уровнем развития выбирают различные типы военной стратегии⁹⁷. Поэтому для реалистов нет ничего удивительного в том, что Англия наращивала воздушную войну против Германии: до 1944 года это был для нее единственный способ нанести ущерб противнику⁹⁸. Естественно для реалистов и то, что Германия должна была выбрать совсем иную большую стратегию, с первостепенной ролью сухопутных войск, — это объясняется ее географическим положением, а также успехами немецкой армии в использовании бронетанковых соедине-

ний и мотопехоты⁹⁹. Понятно с позиций реализма и отличие германской стратегии от британской в использовании ВВС — для целей блицкрига важнее не стратегическая, а тактическая авиация¹⁰⁰. То, что немцы рано приступили к эскалации подводной войны, также представляется рациональным, поскольку у них не было других возможностей наносить удары по Англии¹⁰¹. В итоге получается, что и теория организационной культуры, которой следует Легро, и реализм в рассматриваемых ситуациях приводят к тем же самым выводам.

Несколько сложнее проанализировать утверждение Иэйна Джонстона, будто особенности большой стратегии Китая во времена династии Мин объясняются в первую очередь не внешними факторами, а спецификой национальной стратегической культуры, остававшейся неизменной, тогда как характер внешних угроз со временем менялся. Однако в этом тезисе есть два спорных момента. Во-первых, в эпоху Мин Китай постоянно противостоял анархическому внешнему окружению, так что угроза извне присутствовала. Как признает сам Джонстон, «строго говоря», международное окружение Китая было анархическим¹⁰². Во-вторых, в полном согласии с реалистическим подходом Джонстон показал, что характер применения силы минскими правителями менялся в зависимости от динамики их военных возможностей¹⁰³. Чтобы убедительно доказать свой основной тезис, Джонстону следует рассмотреть несколько различных случаев и привести примеры одинакового поведения государств, занимающих разное положение в международной системе. Ему также придется объяснить с позиций культурализма те случаи, в которых государства с различной социокультурной конфигурацией, но занимающие сходное положение ведут себя аналогично. Таким образом, на самом деле исследование Джонстона ставит под вопрос культуралистскую интерпретацию случая, часто приводившегося как пример роли стратегической культуры. К тому же его собственная аргументация мало отличается от альтернативного, реалистического, подхода¹⁰⁴.

Наконец рассмотрим выдвинутый Элизабет Кир тезис, будто особенности французской политической и военно-организационной культуры не позволили стране принять меры, которые могли бы предотвратить майскую катастрофу 1940 года¹⁰⁵. По ее мнению, политическое руководство Франции было более озабочено опасностью, исходившей от французских военных, чем внешней угрозой со стороны Германии, и поэтому принудило военное командование пойти на такие меры, которые, с учетом особенностей организационной культуры французских военных, лишили в 30-е годы страну возможности следовать наступательной военной доктрине 20-х годов. Однако реалисты могут на это возразить, что изменения в военной доктрине Франции четко отражали сдвиги в европейском балансе сил¹⁰⁶. В 1920 году Франция была сопоставима с Герма-

нией по численности населения (39 млн человек против 42,8 млн) и явно превосходила ее по численности вооруженных сил (350 тыс. человек против 100 тысяч)¹⁰⁷. Но к 1928 году Франция стала заметно уступать Германии не только по численности населения (41 млн против 55,4 млн), но и по промышленному потенциалу (если принять британский промышленный потенциал в 1900 году за 100, то у Франции в 1928-м этот показатель составлял 82, а у Германии — 158) и по доле в мировом промышленном производстве (6 проц. против 11,6 процента). К 1937 году военный потенциал Франции составлял менее трети германского (соответственно 4,2 проц. и 14,4 проц. мирового военного потенциала). В 1938-м году Франция еще сильнее отставала от соперницы по численности населения (41,9 млн человек против 68,5 млн), промышленному потенциалу (74 против 228) и доле в мировом промышленном производстве (4,4 проц. против 12,7 процента)¹⁰⁸. К 1940 году Франция лишь немного уступала Германии по численности армии мирного времени (689 тыс. человек против 720 тыс.)¹⁰⁹, но по скрытым военным возможностям разрыв между двумя странами был огромен. С учетом такого резкого сдвига в международном балансе сил, а также трудностей, с которыми столкнулась Франция при поиске союзников в многополярной международной системе¹¹⁰, переход Франции в 30-е годы к оборонительной военной доктрине представляется для реалистов вполне естественным.

Заметим попутно, что роковой для Франции исход кампании 1940 года не был по-настоящему связан ни с политическим кризисом Третьей республики, ни даже с оборонительным характером военной доктрины¹¹¹. Главная причина поражения была в том, что французский военный план предусматривал выдвижение большей части сил на север Бельгии, чтобы немцам пришлось наступать не по приморской равнине, а через гористый район Арденн на юге Бельгии. Французское военное руководство совершило явный стратегический просчет, переоценив трудность наступления через Арденны. Однако эту ошибку нельзя приписать особенностям французской политической и военно-организационной культуры, ибо ее допускали не только французы — например, видный английский военный теоретик сэр Бэзил Генри Лидделл Гарт, а также многие представители высшего германского командования до февраля 1940 года¹¹². Таким образом, реалистическая теория не только делает вполне понятной эволюцию французской военной доктрины между двумя мировыми войнами, но и лучше объясняет исход «битвы за Францию».

То же можно сказать и о других новых культуралистских теориях в области проблем безопасности. Так, Дейна Эйре и Марк Зухман сами признают, что их данные о приобретении оружия странами мира соответствуют ожиданиям, основанным на реалистическом подходе¹¹³. Утверждение Майкла Барнетта, что «в отсутствие непосредственной угрозы... иден-

тичность государства влияет на выбор им союзников», также вполне совместно с реализмом¹¹⁴. И так, во многих ситуациях анализ и прогноз новых культуралистов практически совпадают с реалистическими интерпретациями. И поскольку такие случаи не обеспечивают «решающей проверки», при которой пришлось бы выбирать между культуралистскими и реалистическими теориями, вопрос о превосходстве тех или иных остается открытым.

Спорные случаи

В некоторых случаях культуралистские интерпретации разительно отличаются от реалистических, но достоверность их при этом сомнительна. Например, по мнению Ричарда Прайса и Нины Танненволд, неприменение химического оружия объясняется в основном его «одиозностью»¹¹⁵. Они полагают, что без такого нормативного запрета химическим оружием скорее всего пользовались бы весьма широко. Как утверждает Прайс, «если бы не атмосфера, заданная этой международной нормой, и не налагаемые ею ограничения, Вторая мировая война была бы, по всей вероятности, войной химической»¹¹⁶. Однако при всем повсеместном отвращении к химическому оружию редкость его применения куда более убедительно можно объяснить взаимным сдерживанием посредством устрашения, а также ограниченной боевой эффективностью средств химического нападения. Химическое оружие действенно только против неподготовленного противника или мирного населения; подготовленные войска могут сравнительно легко от него защищаться; наконец, применение этого оружия осложняет наступательные операции. Именно эти факторы, а не нормативный запрет лучше всего объясняют, почему химическое оружие не использовали более широко во Второй мировой войне¹¹⁷. К тому же Прайсу и Танненволд придется объяснить, почему запрещение химического оружия до Первой мировой войны не предотвратило его широкого применения в ходе этой войны, а также почему международные нормы, не позволявшие странам «оси» применять химическое оружие против войск союзников, не помешали им использовать его против безоружного мирного населения (евреев) и противника, не имевшего возможности нанести ответный химический удар (китайцев и эфиопов)¹¹⁸. В период между двумя мировыми войнами (как, впрочем, и перед Первой мировой войной) нормы относительно неприменения химического оружия действительно существовали, но они лишь отражали — а не формировали — стратегическую реальность, которую определяли главным образом эффективность (или неэффективность) химического оружия и взаимное сдерживание посредством устрашения. Возьмем более свежий пример. Применение Ираком химического оружия против иранских войск в ходе ирано-иракской войны и против безоружных курдов, но не против США

во время войны в Персидском заливе можно тоже наиболее приемлемо объяснить факторами эффективности и сдерживания. Иранцы и иракские курды не имели возможности нанести ответный удар и обладали скудными средствами защиты от химического и биологического нападения, и потому применение Ираком химического оружия против них было стратегически целесообразным. Соединенные же Штаты и их союзники по антииракской коалиции, напротив, располагали как мощными средствами химической и биологической защиты, так и огромным арсеналом оружия массового поражения для нанесения ответного удара, и в этой ситуации использование Ираком химического и биологического оружия было стратегически бессмысленным ¹¹⁹.

По утверждению Роберта Хермана, холодная война закончилась из-за того, что Советский Союз не мог противостоять притягательной силе норм и культуры Запада. Это звучит правдоподобно, однако другие объяснения кажутся еще более убедительными ¹²⁰. По мнению некоторых аналитиков, изменения в советском мышлении были вызваны «ядерной революцией», сделавшей защиту важнее нападения; другие полагают, будто горбачевским реформам способствовал страх советских военных перед возможным проигрышем гонки вооружений в эпоху высоких технологий ¹²¹. Херман не может также объяснить, отчего впоследствии Россия стала вести себя в духе *Realpolitik*, то есть в соответствии с реалистической концепцией неослабной конкуренции между великими державами ¹²².

Наконец, Томас Рисс-Каппен описывает НАТО как союз, основанный не на осознании общей угрозы, а на общности ценностей «республиканского либерализма» ¹²³. Ему, однако, трудно будет объяснить, как в этот союз вошли такие нелиберальные государства, как Греция и Турция. На самом деле наличие идеологической и культурной общности между странами НАТО могло быть простым совпадением, поскольку в период холодной войны многие влиятельные политики США и других стран Запада не стеснялись заключать союзы с нелиберальными государствами в других регионах мира ¹²⁴. И это вполне естественно с точки зрения реалистической теории, по которой межгосударственные союзы формируются на базе общих интересов, а не общей идеологии ¹²⁵.

Преждевременные случаи

Среди случаев, рассматриваемых новыми стратегическими культуралистами, есть в конечном счете и такие, где просто еще рано предсказывать исход развития событий. Так, Томас Бергер, а также Питер Катценштейн и Нобуро Окавара полагают, будто политические культуры Германии и Японии необратимо изменились, став из милитаристских пацифистскими. «Германия и Япония, — утверждает Бергер, — в результате своего исторического опыта, а также его интерпретации политическими силами этих

стран выработали такие убеждения и ценности, которые породили принципиальное неприятие применения вооруженной силы»¹²⁶. Однако у таких сдвигов в политических культурах Германии и Японии есть веские причины международно-структурного характера: поражение этих стран во Второй мировой войне, их оккупация союзниками и «защитный зонтик» американских гарантий безопасности. Поэтому истинность данного культуралистского тезиса можно будет проверить только с течением времени, особенно если обязательства США перед НАТО и Японией станут менее прочными. Сам Бергер в конце концов соглашается с выводом реалистов о том, что «японский антимилитаризм в его нынешнем виде не сможет пережить ни ослабления союзнических отношений между Японией и США, ни возникновения какой-либо новой угрозы безопасности в регионе»¹²⁷. Таким образом, задаваться вопросом, окончательно ли изменились японская и германская политические культуры, преждевременно. Надо, впрочем, заметить, что изменения, происшедшие в этих странах в эпоху холодной войны, вполне объяснимы и без культуралистского подхода. Более того, уже есть основания полагать, что после окончания холодной войны Германия и Япония могут вернуться к более традиционной великодержавной стратегической культуре. Любопытно, что некоторые высказанные в этой связи пессимистические мнения также основаны на культурных факторах¹²⁸.

Новые культуралисты убеждены, что отбираемые ими для своих теорий случаи относятся к категории «трудных» уже потому, что касаются проблем национальной безопасности¹²⁹. Однако исследуемый случай может считаться «трудным» и служить для «решающей проверки» только при двух условиях: 1) конкурирующие теории должны по-разному предсказывать исход ситуации; 2) есть возможность установить, какая из них точнее предсказывает развитие событий. Сама по себе категория проблем, к которой относится рассматриваемый случай, не может сделать его ни «трудным», ни «легким». Тут важно другое: может ли теория дать четкое и доступное для проверки предсказание применительно к данному случаю? Тезисы новых стратегических культуралистов еще не опровергнуты реальностью (как прогнозы их предшественников времен холодной войны), но неумение или нежелание отбирать для своих теорий действительно «трудные случаи» вынуждает скептически относиться к заверениям некоторых ученых, будто культуралистский подход может и должен вытеснить реализм из исследования проблем безопасности.

Как культуралистский подход способен дополнить существующие теории

Культуралистский подход может быть полезен как дополнение к существующим теориям, причем по крайней мере в трех отношениях. Во-пер-

вых, культурные факторы способны объяснить разрыв во времени между структурными сдвигами и изменившимся поведением государств. Во-вторых, учет этих факторов помогает понять, отчего некоторые государства ведут себя иррационально и страдают от неумения приспособиться к требованиям международной системы. Наконец, если внешнему окружению государства свойственна структурная неопределенность, внутренние факторы, в том числе и культура, начинают играть более самостоятельную роль.

Рассмотрим сначала значение культурных факторов при объяснении определенного запаздывания, с которым структурные изменения сказываются на поведении государств¹³⁰. Например, в эпоху холодной войны и в США, и в СССР существовал, можно сказать, образцовый гражданский контроль над военными¹³¹. С момента окончания холодной войны накопились свидетельства ослабления такого контроля как в Америке, так и в России¹³². Брайан Тейлор не без оснований предполагает, что именно пережитки традиции подчинения армии гражданскому контролю еще удерживают российских военных от попыток переворота или других способов более прямого вмешательства в политическую жизнь страны¹³³. Однако рамки концепции организационной культуры затрудняют автору ответ на вопрос, почему в нынешней России гражданский контроль над военными относительно слаб, тогда как в СССР времен холодной войны был жестким и эффективным (сам ученый показывает это на историческом материале)¹³⁴. Таким образом, культуралистский подход полезен как дополнение к известным теориям, но заменить их не может.

С помощью культурных факторов можно также объяснить, отчего некоторые государства действуют вопреки структурным императивам международной системы. Структурные факторы никогда не определяют исхода ситуации непосредственно; они действуют через такие механизмы, как социализация, подражание или конкуренция. По мнению Кеннета Уолца, международная структура прямо не вынуждает государство вести себя так или иначе. Но видя, как страны, приспособляющие свое поведение к структуре международной системы, успешнее конкурируют с другими, оно постепенно учится вести себя так же. Уолц так кратко формулирует свою мысль: «Теория объясняет, почему государства, сходные по положению в международной структуре, ведут себя похожим образом, несмотря на различия их внутренних структур»¹³⁵. Реалисты, к числу которых относится Уолц, полагают, что государства с примерно одинаковым структурным статусом должны и вести себя приблизительно одинаково, если хотят выжить и преуспеть¹³⁶. Кевин Поллак убедительно показывает, как особенности арабской политической культуры отрицательно сказываются на способности арабских армий вести современную войну с использованием бронетанковых сил¹³⁷. Однако поскольку из-за своей не-

способности вести современную танковую войну арабские страны закономерно страдают, то этот культуралистский тезис не бросает вызова аргументам реалистов, видящих корень проблемы в неумении арабских государств успешно соперничать с господствующими державами¹³⁸. Только если бы арабы, при всем своеобразии их отечественной политической культуры, последовательно добивались успехов в танковых сражениях, культуралистский подход мог бы применительно к данному случаю полностью вытеснить реалистический, объяснив и поведение, и исход ситуации. Таким образом, проведенный Поллаком анализ опять-таки дополняет, а не замещает существующие теории.

И наконец, как предлагает Уолц, «следует задаться вопросом: как и в какой мере международная структура обуславливает исходы ситуаций?»¹³⁹. Структура обычно задает параметры; реальное же течение событий иногда определяют другие факторы. С учетом этого конкуренция между культуралистским и реалистическим подходами становится менее всеобъемлющей, но в то же время более острой. Если во внешнем окружении государства существует структурная неопределенность, культуралистские и реалистические теории часто дают сходные прогнозы поведения государств и международных последствий. Поэтому при сопоставлении этих теорий «решающие проверки» возможны только в структурно определенных ситуациях.

Главным предметом спора будет, как часто структура является или не является определенной. Реалисты полагают, что структура бывает определенной часто, а потому анализ целесообразно начинать с нее; культуралисты же утверждают: материальная структура так часто бывает неопределенной, что имеет смысл начинать с других переменных¹⁴⁰. Этот вопрос важен, поскольку реалистические теории могут отводить значительное место культурным либо иным типам переменных лишь при условии структурной неопределенности. В определенной структурной среде, где у государства есть только один или самое большее немного удовлетворительных стратегических выборов, реалистические теории ожидают, что культура послужит в лучшем случае зависимой или промежуточной переменной, которая обычно отражает структурную среду и меняется достаточно медленно, чтобы вызвать временной лаг между структурными сдвигами и переменами в поведении государства. Но в ситуациях структурной неопределенности, когда перед государством открывается много оптимальных возможностей, у сторонников реалистического подхода меньше оснований беспокоиться по поводу того, что культурные или другие внутренние факторы могут сыграть более самостоятельную роль в интерпретации стратегического поведения. В книге «Гражданский контроль над военными» я показываю, как различные сочетания внешних и внутренних угроз безопасности государства формируют более или менее опре-

деленную структурную среду. Если государство стоит либо перед внешними, либо перед внутренними угрозами, структуре свойствен определенный характер. Когда же оно сталкивается разом с обеими или с их одновременным отсутствием, структура неопределенна. В таких случаях для объяснения различных типов стратегического поведения необходимо обращаться к другим факторам. В этой ситуации культурные и другие внутренние переменные могут играть более значительную роль. Ученые, интересующиеся международными отношениями и сравнительной политологией, оказываются перед вызовом: выяснить, когда, при каких условиях и в какой мере исход стратегической ситуации определяют другие неструктурные факторы или другие структурные ситуации.

Заключение

Новые культуралистские теории в области проблем безопасности могут в перспективе дополнить реалистический подход, объясняя разрыв во времени между структурными сдвигами и изменениями в стратегическом поведении, выявляя причины «отклоняющегося поведения» государств, а также объясняя поведение в структурно неопределенной среде. Таким образом, не подлежит сомнению, что культура имеет значение и новое обращение мысли к культурным факторам будет способствовать пониманию проблем международной безопасности после окончания холодной войны. По этой и другим причинам работы представителей третьей волны культуралистского подхода будут много читать, и они вызовут плодотворную дискуссию.

Проблема, однако, в том, что некоторые новые культуралисты, исследующие проблемы безопасности, подобно многим прежним культуралистам в других областях ¹⁴¹, преувеличивают возможности культурных интерпретаций. Сам по себе учет культурных факторов мало что добавляет к объяснительному потенциалу имеющихся теорий. Культурализм времен холодной войны в основном себя уже дискредитировал. Претензии стратегических культуралистов последних лет выглядят не вполне убедительно, поскольку анализ рассматриваемых ими ситуаций не подтверждает способность культуралистского подхода вытеснить реализм. Короче говоря, новая волна культурализма не сможет заменить собой реалистический подход в исследовании проблем безопасности, так как самостоятельный объясняющий потенциал новых культуралистских теорий крайне ограничен.

Похоже, что многие представители третьей волны признают это сами и поэтому на самом деле не очень убеждены, что культурные факторы имеют существенное самостоятельное значение в исследовании проблем безопасности. Большинство новых культуралистов согласились бы с Джеффри Легро в том, что «культура не есть всего-навсего флюгер, кото-

рый вертится под воздействием внешних сил и рациональных стратегических соображений»¹⁴². Культурная переменная часто выступает как независимая. Однако в другой своей работе Летро признает, что «действительность можно социально конструировать, но лишь из наличных материалов и в рамках существующих структур... Однако когда противоречие между внешними условиями и культурными тенденциями становится слишком большим, культура скорее всего будет приспосабливаться»¹⁴³. Многие другие новые культуралисты высказываются по этому вопросу неопределенно: например, Элизабет Кир приходит к выводу, что «культурный фактор имеет (относительную) каузальную автономию»¹⁴⁴. С тем, что культура имеет значение, согласны все. Главный вопрос: насколько велик собственный объясняющий потенциал культурного фактора? Мы сможем ответить на этот вопрос лишь тогда, когда ясно поймем, какую роль чаще всего играет культурный фактор — независимой каузальной переменной, как считает большинство культуралистов, или же промежуточной либо зависимой переменной, как гласят реалистические теории.

Результаты эмпирической проверки выводов стратегических культуралистов вынуждают быть осторожными в вопросе о том, в какой мере стратегическое поведение объяснимо только культурными факторами. Поэтому при исследовании проблем безопасности нам не следует отказываться от реализма, заменяя его культуралистским подходом. Разумеется, если реалистические интерпретации окажутся недостаточными, мы должны дополнять их новыми культуралистскими теориями. Однако такие случаи встретятся реже, чем представляют себе новые культуралисты. Итак, возвращение к культуре в исследовании проблем безопасности можно только приветствовать, но не следует при этом отдаваться на волю новейшей волны культуралистского подхода.

*Перевод с английского
Николая Руденского*

Примечания

¹ *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics* / P. J. Katzenstein (ed.). N. Y.: Columbia Univ. Press, 1996; см. также следующие основные работы: *Katzenstein P. J., Noburo Okawara. Japan's National Security: Structures, Norms, and Policies* // Intern. Security. Vol. 17. № 4 (Spring 1993). P. 84—118; *Berger T. U. From Sword to Chrysanthemum: Japan's Culture of Anti-militarism* // Intern. Security. Vol. 17. № 4 (Spring 1993). P. 119—150; *Legro J. W. Military Culture and Inadvertent Escalation in World War II* // Intern. Security. Vol. 18. № 4 (Spring 1994). P. 108—142; *idem. Cooperation under Fire: Anglo-German Restraint during World War II*. Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press, 1995; *Jobnston A. I. Thinking about Strategic Culture* // Intern. Security. Vol. 19. № 4 (Spring 1995). P. 32—64; *idem. Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History*. Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press, 1995; *Kier E. Culture and Military Doctrine: France between the Wars* // Intern. Security. Vol. 19. № 4 (Spring 1995). P. 65—93; *Legro J. W. Culture and Preferences in the International Cooperation Two-Step* // American Political Sci-

- ence Rev. Vol. 90. № 1 (Mar. 1996). P. 118—137; *Katzenstein P. J.* Cultural Norms and National Security. Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press, 1996; *Kier E.* Imagining War: French Military Doctrine between the Wars. Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press, 1997; *Price R.* The Chemical Weapons Taboo. Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press, 1997. Стивен Питер Розен (см.: *Rosen S. P.* Military Effectiveness: Why Society Matters // Intern. Security. Vol. 19. № 4 [Spring 1995]. P. 23, 24; *idem.* Societies and Military Power: India and Its Armies. Ithaca [N.Y.]: Cornell Univ. Press, 1996. P. 22—26) открыто противопоставляет свой социо-структурный подход культурному. Тем не менее я отношу этого ученого к представителям современной культуралистской волны, поскольку социальная структура, интересующая его больше всего — индийская кастовая система, — произрастает в основном из культурных корней.
- ² *Legro J. W.* Cooperation under Fire... P. 1.
 - ³ *Kier E.* Culture and French Military Doctrine before World War II // The Culture of National Security / P. J. Katzenstein (ed.). P. 187; *eadem.* Culture and Military Doctrine... P. 84.
 - ⁴ *Katzenstein P. J., Noburo Okawara.* Op. cit. P. 84—118; *Katzenstein P. J.* Op. cit.; *Berger T. U.* Op. cit. P. 119—150.
 - ⁵ *Rosen S. P.* Military Effectiveness... P. 5—32; *idem.* Societies and Military Power... P. VIII—XI.
 - ⁶ *Johnston A. I.* Cultural Realism... P. X, 247, 262—266; *idem.* Cultural Realism and Maoist China // The Culture of National Security... P. 257.
 - ⁷ *Finnemore M.* Constructing Norms of Humanitarian Intervention // The Culture of National Security... P. 156.
 - ⁸ *Price R., Tannenwald N.* Norms and Deterrence: The Nuclear Weapons Taboo // Ibid. P. 114—153.
 - ⁹ *Herman R. G.* Identity, Norms, and National Security: The Soviet Foreign Policy Revolution and the End of the Cold War // Ibid. P. 271—316.
 - ¹⁰ *Risse-Kappen T.* Collective Identity in a Democratic Community: The Case of NATO // Ibid. P. 357—399.
 - ¹¹ *Barnett M. N.* Identity and Alliances in the Middle East // Ibid. P. 400—450.
 - ¹² *Eyre D. P., Suchman M. C.* Status, Norms, and the Proliferation of Chemical Weapons: An Institutional Theory Approach // Ibid. P. 79—113.
 - ¹³ *Johnston A. I.* Thinking about Strategic Culture... P. 41. Все статьи, помещенные в сборнике под редакцией Питера Катценштейна («The Culture of National Security»), открыто атакуют реализм.
 - ¹⁴ Авторы сборника под редакцией Катценштейна существенно расходятся во взглядах по этому вопросу. См.: *Jepperson R. L., Wendt A., Katzenstein P. J.* Norms, Identity and Culture in National Security // The Culture of National Security... P. 37, 68; *Kowert P., Legro J. W.* Norms, Identity and Their Limits: A Theoretical Reprise // Ibid. P. 496; *Katzenstein P. J.* Conclusion: National Security in a Changing World // Ibid. P. 507—508.
 - ¹⁵ *Johnston A. I.* Cultural Realism... P. 1.
 - ¹⁶ *Legro J. W.* Cooperation under Fire... P. 221.
 - ¹⁷ *Katzenstein P. J.* Cultural Norms and National Security...; *Jepperson R. L., Wendt A., Katzenstein P. J.* Op. cit. P. 34.
 - ¹⁸ Некоторые из самых глубоких критических оценок реалистической парадигмы сделаны «изнутри», самими ее последователями. См., например: *Schweller R. L.* Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In // Intern. Security. Vol. 19. № 1 (Summer 1994). P. 72—108.
 - ¹⁹ Классические примеры таких исследований: *Liddell Hart B. H.* The British Way in Warfare. L.: Faber and Faber, 1932), а также *Benedict R.* The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture. Boston: Houghton Mifflin, [1946] 1989. В числе других работ о Второй мировой войне, опирающихся на культурный подход, можно назвать:

- Weigley R. *The American Way of War: A History of United States Military Strategy and Policy*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1973; *Creveland M. van*. *Fighting Power: German and U.S. Army Performance, 1939–1945*. Westport (Conn.): Greenwood Press, 1982.
- ²⁰ О различных теориях, использующих понятие национального характера, и об их роли в период войны см.: *Dower J.* *War without Mercy: Race and Power in the Pacific War*. N. Y.: Pantheon Books, 1986. P. 118–146.
- ²¹ Полезный обзор этих теорий содержится в книге: *Trachtenberg M.* *History and Strategy*. Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press, 1991. P. 12–15.
- ²² *Gray C. S.* What RAND Hath Wrought // *Foreign Policy*. № 4 (Fall 1971). P. 111–129.
- ²³ *Ibid.* P. 126.
- ²⁴ См.: *Pipes R.* Why the Soviet Union Thinks It Could Fight and Win a Nuclear War // *Commentary*. Vol. 64. № 1 (July 1977). P. 21–34; *Ermath F. W.* Contrasts in American and Soviet Strategic Thought // *Intern. Security*. Vol. 3. № 2 (Fall 1978). P. 138–155; *Booth K.* Strategy and Ethnocentrism. N. Y.: Holmes and Meier, 1979; *Gray C. S.* National Style in Strategy: The American Example // *Intern. Security*. Vol. 6. № 2 (Fall 1981). P. 21–47; *Revel J.-F.* How Democracies Perish. Garden City (N.Y.): Doubleday, 1984; *Kirkpatrick J.* Dictatorships and Double Standards // *Commentary*. Vol. 68. № 5 (Nov. 1979) P. 34–45; *Lord C.* American Strategic Culture // *Comparative Strategy*. Vol. 5 № 3 (1985). P. 269–294; *Downey F. M., Metz S.* The American Political Culture and Strategic Planning // *Parameters*. Vol. 18. № 3 (Sept. 1988). P. 34–42.
- ²⁵ *Pipes R.* Op. cit. P. 24, 26. См. также: *Lord C.* Op. cit. P. 280; *Gray C. S.* National Style in Strategy... P. 24.
- ²⁶ *Ermath F. W.* Op. cit. P. 155; *Pipes R.* Op. cit. P. 25–26.
- ²⁷ *Revel J.-F.* Op. cit.
- ²⁸ *Gray C. S.* What RAND Hath Wrought... P. 122. Позднее подобные настроения выражал Стивен Розен: *Rosen S. P.* Vietnam and the American Theory of Limited War // *Intern. Security*. Vol. 7. № 2 (Fall 1982). P. 83–113.
- ²⁹ *Gelb L., Betts R. K.* *The Irony of Vietnam: The System Worked*. Wash. (D.C.): Brookings Institution, 1979.
- ³⁰ О характере задачи, с которой США столкнулись во Вьетнаме, см.: *Karnow S.* *Vietnam: A History*. N. Y.: Viking, 1983; *Sheehan N.* *A Bright and Shining Lie: John Paul Vann and America in Vietnam*. N. Y.: Random House, 1988.
- ³¹ *Mendelson S.* Internal Battles and External Wars: Politics, Learning, and the Soviet Withdrawal from Afghanistan // *World Politics*. Vol. 45. № 3 (Apr. 1993). P. 327–360.
- ³² См.: *Gartboff R. L.* *Deterrence and the Revolution in Soviet Military Doctrine*. Washington (D.C.): Brookings Institution, 1990; *Jervis R.* *The Meaning of the Nuclear Revolution: Statecraft and the Prospect of Armageddon*. Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press, 1989.
- ³³ В конце 1970-х годов прозвучали предостережения о том, что опасность войны между СССР и США возрастает. См.: *Ermath F.W.* Op. cit. P. 139–140.
- ³⁴ Недвусмысленное заявление на этот счет см.: *Gaddis J. L.* Hanging Tough Paid Off // *Bull. of Atomic Scientists*. Vol. 45. № 1 (Jan./Febr.1989). P. 11–14. Более подробный анализ исхода холодной войны в свете реализма см.: *Woblforth W. C.* Realism and the End of the Cold War // *Intern. Security*. Vol. 19. № 3 (Winter 1994/95). P. 91–129.
- ³⁵ См.: *Atkinson R.* *Crusade: The Untold Story of the Persian Gulf War*. Boston: Houghton Mifflin, 1993; *Gordon M. R., Trainor B. E.* *The Generals' War: The Inside Story of the Conflict in the Gulf*. Boston: Little, Brown, 1995.
- ³⁶ См.: *Petro N.* *The Rebirth of Russian Democracy: An Interpretation of Political Culture*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1995. P. 1.
- ³⁷ *Katzenstein P. J.* Conclusion... P. 499; см. также ряд статей в сборнике: *International Relations Theory and the End of the Cold War / R. N. Lebow, T. Risse-Kappen* (eds.). N. Y.: Columbia Univ. Press, 1995.

- ³⁸ *Katzenstein P. J.* Preface // *The Culture of National Security...* P. XI.
- ³⁹ *Bunce V.* Domestic Reform and International Change: The Gorbachev Reforms in Historical Perspective // *Intern. Organization*. Vol. 47. № 1 (Winter 1993). P. 107–138.
- ⁴⁰ См., например: *Russett B. M.* Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World. Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press, 1993. P. 126–129.
- ⁴¹ *Adler E.* Conclusion: Epistemic Communities, World Order, and the Creation of a Reflective Research Program // *Intern. Organization*. Vol. 46. № 1 (Winter 1992). P. 367–390; *Koslowski R., Kratochwil F. V.* Understanding Change in International Politics: The Soviet Empire's Demise and the International System // *Intern. Organization*. Vol. 48. № 2 (Spring 1994). P. 215–247.
- ⁴² *Lebow R. N.* The Long Peace, the End of the Cold War, and the Failure of Realism // *International Relations Theory and the End of the Cold War...* P. 23–56.
- ⁴³ О свидетельствах растущего в обществе интереса к роли культуры см.: *Cultural Explanations: The Man in the Baghdad Café* // *Economist*. 1996. Nov. 9. P. 23–26; *Berrebby D.* Arogance, Order, Amity, and Other National Traits // *New York Times*. 1996. May 26. [Week in Review Section]. P. 1, 6.
- ⁴⁴ *Putnam R.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press. Пример хвалебной рецензии см.: *Pro Bono Publico* // *Economist*. 1993. Febr. 6. P. 96.
- ⁴⁵ См. ряд работ в сборнике: *Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions, and Political Change* / J. Goldstein, R. O. Keohane (eds.). Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press, 1993, а также: *Odell J.* U.S. International Monetary Policy: Markets, Power and Ideas as Sources of Change. Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press, 1982; *Blyth M. M.* «Any More Bright Ideas?»: The Ideational Turn of Comparative Political Economy // *Comparative Politics*. Vol. 29. № 2 (Jan. 1997). P. 229–250.
- ⁴⁶ См.: *Gowa J.* Anarchy, Egoism, and Third Images: The Evolution of Cooperation and International Relations // *Intern. Organization*. Vol. 40. № 1 (Winter 1986). P. 180–182; *Haggard S., Simmons B. A.* Theories of International Regimes // *Intern. Organization*. Vol. 41. № 3 (Summer 1987). P. 513–517; *Jervis R.* Realism, Game Theory, and Cooperation // *World Politics*. Vol. 40. № 3 (Apr. 1988). P. 324–329; *Putnam R.* Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // *Intern. Organization*. Vol. 42. № 3 (Summer 1988). P. 427–459; *Milner H.* International Theories of Cooperation among States // *World Politics*. Vol. 44. № 3 (Apr. 1992). P. 466–496. Ссылки на все эти работы приводятся по: *Legro J. W.* Cooperation under Fire... P. 8, fn 16.
- ⁴⁷ Аргументы против теоретических обобщений в политологии см.: *Berlin I.* On Political Judgment // *New York Rev. of Books*. Vol. 43. № 15 (1996. Oct. 3). P. 26–31; *Hirsbman A. O.* The Search for Paradigms as a Hindrance to Understanding // *World Politics*. Vol. 22. № 3 (Apr. 1970). P. 329–343.
- ⁴⁸ *The Harper Dictionary of Modern Thought* / I. Bullock, O. Stallybrass, S. Trombley (eds.). Rev. ed. N. Y.: Harper and Row, 1988. P. 669.
- ⁴⁹ См., например: *Asbley R. K.* The Poverty of Neorealism // *Neorealism and Its Critics* / R. O. Keohane (ed.). N. Y.: Columbia Univ. Press, 1986. P. 255–300; *Cox R. W.* Towards a Post-Hegemonic Conceptualization of World Order: Reflections on the Relevancy of Ibn Khaldun // *Governance without Government: Order and Change in World Politics* / J. N. Rosenau, E.-O. Czempiel (eds.). Cambridge (U.K.): Cambridge Univ. Press, 1992. P. 135; *Rosenau P.* Once Again into the Fray: International Relations Confronts the Humanities // *Millennium*. Vol. 19. № 1 (Spring 1990). P. 83–110; *Lapid J.* The Third Debate: On the Prospects of International Theory in a Post-Positivist Era // *Intern. Studies Quart.* Vol. 33. № 3 (Sept. 1989). P. 235–254.

- ⁵⁰ См. критический анализ методологии наук об обществе у Лео Страусса: *Strauss L. Natural Right and History*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1953. P. 36—78, а также: *Giddin H. Introduction // An Introduction to Political Philosophy: Ten Essays by Leo Strauss / H. Giddin (ed.)*. Detroit: Wayne State Univ. Press, 1989. P. X—XVII.
- ⁵¹ Клайд Клакхон называл культуру «основным понятием» (master concept) антропологии. См.: *Kluckhohn C. The Study of Culture // The Policy Sciences: Recent Developments in Scope and Method / D. Lerner, H. Lasswell (eds.)*. Stanford (Calif.): Stanford Univ. Press, 1951. P. 86.
- ⁵² *Leites N. Psycho-Cultural Hypotheses about Political Acts // World Politics*. Vol. 5. № 1 (Oct. 1948). P. 102—119. О значении работ Натана Лейтеса, а также Габриэла Алмонда для внедрения культурного подхода в политологию см.: *Pateman C. Political Culture, Political Structure, and Political Change // British J. of Political Science*. Vol. 1. Pt 3 (July 1971). P. 293; *Pye L. Political Culture Revisited // Political Psychology*. Vol. 12. № 3 (Sept. 1991). P. 489.
- ⁵³ Основные критические работы: *Lindesmith A. R., Strauss A. L. A Critique of Culture-Personality Writings // American Sociological Rev.* Vol. 15. № 5 (Oct. 1950). P. 587—600; *Inkles A., Levinson D. J. National Character: The Study of Modal Personality and Sociocultural Systems // Handbook of Social Psychology / G. Lindzey (ed.)*. Vol. 2: Special Fields and Applications. Reading (Mass.): Addison-Wesley, 1954. P. 977—1020; *Pateman C.* Op. cit. P. 291—306; *Rogowski R. Rational Legitimacy: A Theory of Political Support*. Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press, 1974; *Berry B. Sociologists, Economists, and Democracy*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1978; *Elkins D. J., Simeon R. E. B. A Cause in Search of Its Effect, or What Does Political Culture Explain? // Comparative Politics*. Vol. 11. № 2 (Jan. 1979). P. 127—145; *Elgström O. National Culture and International Negotiations // Cooperation and Conflict*. Vol. 29. № 3 (Sept. 1994). P. 289—301; *Brightman R. Forget Culture: Replacement, Transcendence, Relexification // Cultural Anthropology*. Vol. 10. № 4 (1995). P. 509—546. Примеры более сочувственного отношения к культурному подходу см.: *Almond G. A. The Intellectual History of the Civic Culture Concept // The Civic Culture Revisited / G. A. Almond, S. Verba (eds.)*. Newbury Park (N. J.): Sage Publications, 1980. P. 1—35; *Huntington S. P. The Goals of Development // Understanding Political Development: An Analytic Study / S. P. Huntington, M. Weiner (eds.)*. Boston: Little, Brown, 1987. P. 3—32; *Pye L. Political Culture Revisited...* P. 487—507.
- ⁵⁴ *Pateman C. Political Culture...* P. 305; *Laitin D. D. The Civic Culture at 30 // American Political Science Rev.* Vol. 89. № 1 (Mar. 1995). P. 168.
- ⁵⁵ Клиффорд Гирц (*Geertz C. The Interpretation of Cultures*. N. Y.: Harper, 1974. P. 4—5) отмечает, что на эту проблему указывал еще К. Клакхон в своей классической книге «Зеркало для человека» (*Kluckhohn C. Mirror for Man*. N. Y.: Whittlesey House, 1949).
- ⁵⁶ *Douglas M. The Self-Completing Animal // Times Literary Suppl.* 1975. Aug. 8. P. 888.
- ⁵⁷ *Rogowski R. Rational Legitimacy...* P. 13.
- ⁵⁸ *Pateman C. Political Culture...* P. 293, fn 7.
- ⁵⁹ На это указывают даже такие сочувствующие культурному подходу авторы, как Пол Коуэрт и Джеффри Лерго (*Kowert P., Legro J. Norms, Identity and Their Limits...* P. 483). См. также: *Philpott D. The Possibilities of Ideas // Security Studies*. Vol. 5. № 4 (Summer 1996). P. 192.
- ⁶⁰ *Kier E. Culture and French Military Doctrine before World War II...* P. 203.
- ⁶¹ *Snyder J. L. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations // RAND Report [R-2154-AF]*. Santa Monica (Calif.): RAND. Sept. 1977.
- ⁶² Причина такого предпочтения заключается, возможно, в том, что, как заметил П. Катценштейн, его «интересует не теоретизирование само по себе, а решение трудных конкретных задач» (личное письмо автору от 12 сентября 1997 года). По мнению

- Сэмюэла Хантингтона (*Huntington S. P. The Goals of Development... P. 27*), в этом заключается проблема культурных теорий вообще.
- ⁶⁵ Об этом принципе см.: *King G., Keobane R., Verba S. Designing Social Inquiry*. Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press, 1994. P. 116.
- ⁶⁴ *Eckstein H. Case Study and Theory in Political Science // Handbook of Political Science / F. I. Greenstein, N. Polsby (eds.). Vol. 7. Reading (Mass.): Addison-Wesley, 1975. P. 96—99; Skocpol Th., Somers M. The Uses of Comparative History in Macrosocial Inquiry // Comparative Studies in Society and History. Vol. 22. № 1 (Jan. 1980). P. 196.*
- ⁶⁵ *Jepperson R. L., Wendt A., Katzenstein P. J. Norms, Identity and Culture... P. 44.*
- ⁶⁶ *King G., Keobane R., Verba S. Designing Social Inquiry... P. 63; Eckstein H. Case Study and Theory in Political Science... P. 88; Evera S. V. Guide to Methodology for Students of Political Science. Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press, 1993. Memo № 1.*
- ⁶⁷ *George A. L. Case Studies and Theory Development: The Method of Structured, Focused Comparison // Diplomacy: New Approaches in History, Theory, and Policy / P. G. Lauren (ed.). N. Y.: Free Press, 1979. P. 43—68; idem. Bridging the Gap: Theory and Practice in Foreign Policy. Wash. (D.C.): United States Inst. of Peace, 1993.*
- ⁶⁸ *Geertz C. The Interpretation of Cultures... P. 22.*
- ⁶⁹ Обсуждение аналогичного вопроса по отношению к истории см.: *Carr E. H. What Is History? N. Y.: Vintage Books, 1961. P. 78—79.*
- ⁷⁰ *Laitin D. D. Hegemony and Culture: Politics and Religious Change among the Yoruba. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1986. См. также: Wildavsky A. Choosing Preferences By Constructing Institutions // American Political Science Rev. Vol. 81. № 1 (Mar. 1987), P. 5; Klineberg O. A Science of National Character // J. of Social Psychology. Vol. 19. № 1 (Febr. 1944). P. 161.*
- ⁷¹ *Geertz C. The Interpretation of Cultures... P. 5. См. также: Idem. On the Nature of Anthropological Understanding // American Scientist. Vol. 63. № 1 (Jan./Febr. 1975). P. 48; Berreby D. Clifford Geertz: Absolute Untruths // New York Times Mag. 1995. Apr. 9. P. 44—45.*
- ⁷² *Geertz C. The Interpretation of Cultures... P. 25—26.*
- ⁷³ *Ibid. P. 29.*
- ⁷⁴ *Huntington S. P. The Goals of Development... P. 23.*
- ⁷⁵ Дэвид Кольтер (*Collier D. The Comparative Method: Two Decades of Change // Comparative Political Dynamics: Global Research Perspectives / D. A. Rustow, K. P. Erickson (eds.). N. Y.: Harper Collins, 1991. P. 7*) ссылается на заявление Гарольда Лассуэлла о том, что всякий научный анализ «неизбежно носит сравнительный характер».
- ⁷⁶ *Laitin D. D. Hegemony and Culture... P. 172.*
- ⁷⁷ *Legro J. W. Culture and Preferences... P. 118.*
- ⁷⁸ *Price R., Tannenwald N. Norms and Deterrence... P. 147—148; см. также: Price R. The Chemical Weapons Taboo... P. 104.*
- ⁷⁹ *Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y.: Simon and Schuster, 1996. Русский перевод отрывков см.: Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка // Pro et Contra. Т. 2. № 2 (Весна 1997). С. 114—154.*
- ⁸⁰ Методологические аспекты исследовательских программ рассматривались Имре Лакатосом (*Lakatos I. Falsification and Methodology of Scientific Research Programmes // Criticism and the Growth of Knowledge / I. Lakatos, A. Musgrave (eds.). Cambridge (U.K.): Cambridge Univ. Press, 1970. P. 91—196*). О применении идей Лакатоса к анализу нового стратегического культурализма см.: *Elman C. Neocultural Progress?: A Preliminary Discussion of Lakatos's Methodology of Scientific Research Programmes // Paper presented at the Annual Meeting of the American Political Science Assoc. Wash. (D.C.). 1997. Aug. 28—31.*

- ⁸¹ См., например: *Desch M. C.* Why Realists Disagree about the Third World (And Why They Shouldn't) // *Security Studies*. Vol. 5. № 3 (Spring 1996). P. 358—384.
- ⁸² Авторитетное изложение этой теории см.: *Waltz K. N.* *Theory of International Politics*. Reading (Mass.): Addison-Wesley, 1979.
- ⁸³ Среди работ в этом теоретическом русле заслуживают особого внимания следующие: *Snyder J.* *The Ideology of the Offensive: Military Decisionmaking and the Disasters of 1914*. Ithaca (N. Y.): Cornell Univ. Press, 1984; *Evera S. V.* *The Cult of the Offensive and the Origins of the First World War* // *Military Strategy and the Origins of the First World War* / S. E. Miller (ed.). Princeton (N. J.): Princeton Univ. Press, 1985. P. 88—107.
- ⁸⁴ *Posen B. R.* *The Sources of Military Doctrine: France, Britain, and Germany between the Wars*. Ithaca (N. Y.): Cornell Univ. Press, 1984.
- ⁸⁵ Эти дискуссии отражены в: *Roots of Realism* / B. Frankel (ed.) // *Security Studies*. Vol. 5. № 2 (Winter 1995); *Realism: Restatements and Renewal* / B. Frankel (ed.) // *Security Studies*. Vol. 5. № 3 (Spring 1996).
- ⁸⁶ *Johnston A. I.* *Cultural Realism and Maoist China...* P. 228.
- ⁸⁷ Кеннет Уолц (*Waltz K.* *Theory of International Politics...* P. 127—128) говорит о «тождественности», но, по-видимому, все же имеет в виду функциональное сходство. Прочие реалисты в большинстве своем разделяют основное положение Уолца о том, что страх анархии вынуждает все государства выполнять одни и те же функции, однако полагают, что эти функции осуществляются по-разному в зависимости от географического положения страны (морские державы отличаются от континентальных) и от уровня ее технологического развития. Например, Кристофер Лейн (*Layne Cb.* *The Unipolar Illusion: Why New Great Powers Will Rise* // *Intern. Security*. Vol. 17. № 4 (Spring 1993). P. 15—16) утверждает, что все великие державы выполняют одни и те же общие функции, но могут иметь различные внутренние структуры. Единственный реалист, настаивающий на строгом изоморфизме, — Жоао Резенде-Сантос (*Resende-Santos J.* *Anarchy and the Emulation of Military Systems: Military Organization and Technology in South America, 1870—1914* // *Security Studies*. Vol. 5. № 3 (Spring 1996). P. 193—260).
- ⁸⁸ *Katzenstein P. J.* *Introduction...* P. 4. Эта перспектива получила развитие в исследованиях, выполненных в рамках социологии. Примеры таких работ см. в: *National Development and the World System: Educational, Economic, and Political Change, 1950—1970* / J. W. Meyer, M. T. Hannan (eds.). Chicago: Univ. of Chicago Press, 1979; *Studies of the Modern World System* / A. Bergesen (ed.). N. Y.: Academic Press, 1980; *Institutional Structure: Constituting State, Society, and the Individual* / G. M. Thomas, J. W. Meyer, F. O. Ramirez, J. Boli (eds.). Newbury Park (N. J.): Sage, 1987.
- ⁸⁹ Замечания Иэйна Джонстона на первоначальный вариант этой статьи помогли мне уяснить соотношение между культурализмом и рационализмом. Содержательный анализ этого соотношения см. также: *Kowert P., Legro J.* *Norms, Identity, and Their Limits...* P. 457, fn 11.
- ⁹⁰ И. Лакатос (*Lakatos I.* *Falsification and Methodology of Scientific Research Programmes...* P. 115) называл такое сопоставление «трехсторонней дракой».
- ⁹¹ О роли «решающих проверок» см.: *Stinchcombe A. L.* *Constructing Social Theories*. N. Y.: Harcourt, Brace, and World, 1968. P. 24—28.
- ⁹² О «наиболее подходящих» и «наименее подходящих» случаях см.: *Eckstein H.* *Case Study and Theory in Political Science*. P. 118—119.
- ⁹³ *Stinchcombe A. L.* *Op. cit.* P. 20.
- ⁹⁴ Классическая формулировка этого аргумента, часто цитируемая реалистами, принадлежит Отто Хинце (*Hintze O.* *Military Organization and the Organization of the State* // *The Historical Essays of Otto Hintze* / F. Gilbert (ed.). Oxford (U.K.): Oxford Univ. Press,

1984. P. 178—221. Тут, на мой взгляд, надо еще отметить, что Индия находилась в относительно мирном международном окружении. По имеющимся данным, среднегодовая величина боевых потерь Индии за длительный период составила 263 человека, тогда как у активно участвовавшей в глобальной политике Пруссии/Германии — 41 181 человек (См.: *Singer J. D., Small M. The Wages of War: 1816—1965: A Statistical Handbook*. N. Y.: John Wiley and Sons, 1972. Tab. 11.2). Другой источник указывает, что Индия участвовала в 95 войнах, а германские государства — в 170 (См.: *Kobn G. C. Dictionary of Wars*. N. Y.: Facts on File, 1986. P. 545—550).
- ⁹⁵ Об иерархии государственных интересов с позиций реализма см.: *Keohane R. O., Nye J. S. Power and Interdependence*. World Politics in Transition. Boston: Little, Brown, 1977. P. 24.
- ⁹⁶ *Finnemore M. Constructing Norms of Humanitarian Intervention...* P. 168.
- ⁹⁷ *Gilpin R. War and Change in World Politics*. Cambridge (U.K.): Cambridge Univ. Press, 1981. P. 87—88; *Posen B. R. The Sources of Military Doctrine...* P. 36, 61—62, 65—66; *Grieco J. Cooperation among Nations: Europe, America, and Non-Tariff Barriers to Trade*. Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press, 1990. P. 39—40; *Waltz K. N. Theory of International Politics...* P. 97—99, 183—192. Подробный анализ вопроса см.: *Elman C. Responding to Military Practices: Convergence and Divergence in International Security / Paper Presented at the Annual Meeting of the Intern. Studies Assoc. San Diego (Calif.)*. 1996. Apr. 16—20.
- ⁹⁸ *Overy R. Why the Allies Won*. N. Y.: Norton, 1995. P. 108.
- ⁹⁹ О германской стратегии блицкрига см.: *Mearsheimer J. J. Conventional Deterrence*. Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press, 1983. P. 29—30, 32—33, 35—43; *Deighton L. Blitzkrieg: From the Rise of Hitler to the Fall of Dunkirk*. N. Y.: Harper Paperbacks, 1994.
- ¹⁰⁰ *Pape R. A. Bombing to Win: Air Power and Coercion in War*. Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press, 1996. P. 70—71.
- ¹⁰¹ О действиях подводных лодок во Второй мировой войне см.: *Vat D. van der. The Atlantic Campaign: World War II's Great Struggle at Sea*. N. Y.: Harper and Row, 1988.
- ¹⁰² *Johnston A. I. Cultural Realism and Maoist China...* P. 260.
- ¹⁰³ *Idem. Cultural Realism...* P. 250.
- ¹⁰⁴ Сам Джонстон открыто заявляет, что уклоняется от «решительных проверок» (*Johnston A. I. Cultural Realism and Maoist China...* P. 264).
- ¹⁰⁵ *Kier E. Imagining War...* P. 56—88. Из других работ, подчеркивающих связь между внутриполитическими конфликтами во Франции и поражением страны в 1940 году, см.: *Bloch M. Strange Defeat: A Statement Written in 1940*. N. Y.: Octagon Books, 1968; *Weber E. The Hollow Years: France in the 1930s*. N. Y.: Norton, 1994. Chap. 10.
- ¹⁰⁶ *Mearsheimer J. J. Conventional Deterrence...* P. 67—98; *Posen B. R. The Sources of Military Doctrine...* P. 115, 122—130, 235—239.
- ¹⁰⁷ *The Statesman's Yearbook*. N. Y.: St. Martin's Press, 1920. P. 840, 908.
- ¹⁰⁸ Все эти сравнительные данные взяты из: *Kennedy P. M. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. N. Y.: Random House, 1987. P. 200—202, 332.
- ¹⁰⁹ *The Statesman's Yearbook*. N. Y.: St. Martin's Press, 1940. P. 968.
- ¹¹⁰ *Christensen Tb., Snyder J. Chain Gangs and Passed Bucks: Predicting Alliance Patterns in Multipolarity // Intern. Organization*. Vol. 44. № 2 (Spring 1990). P. 137—168.
- ¹¹¹ О причинах разгрома Франции в 1940 году см.: *Young R. J. In Command of France: French Foreign Policy and Military Planning, 1933—1940*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1978; *Adamthwaite A. France and the Coming of the Second World War*. L.: Frank Cass, 1977.
- ¹¹² См. об этом: *Alexander D. M. Repercussions of the Breda Variant // French Historical Studies*. Vol. 8. № 3 (Spring 1974). P. 488; *Deighton L. Blitzkrieg...* P. 172—173; *Manstein E. von, Field Marshal. Lost Victories: The War Memoirs of Hitler's Most Brilliant Generals*. Novato (Calif.): Presidio Press, 1994. P. 101—102, 126.

- ¹¹³ *Eyre D. P., Suchman M. C.* Status, Norms, and the Proliferation of Conventional Weapons... P. 97, 106–107.
- ¹¹⁴ *Barnett M. N.* Identity and Alliances in the Middle East... P. 410.
- ¹¹⁵ *Price R., Tannenwald N.* Norms and Deterrence... P. 120.
- ¹¹⁶ *Price R.* The Chemical Weapons Taboo... P. 100.
- ¹¹⁷ *Moon J. E. V. C.* Chemical Weapons and Deterrence: The World War II Experience // Intern. Security. Vol. 8. № 4 (Spring 1984). P. 3–35; *Bernstein B. J.* Why We Didn't Use Poison Gas in World War II // American Heritage. Vol. 36. № 5 (Aug./Sept. 1995). P. 40–45; *Brown F. J.* Chemical Warfare: A Study in Restraint. Westport (Conn.): Greenwood, 1968. P. 37.
- ¹¹⁸ *Tyler P. E.* Germ War, a Current World Threat, Is a Remembered Nightmare in China // New York Times. 1997. Febr. 4. P. 6.
- ¹¹⁹ *Atkinson R.* Crusade... P. 87.
- ¹²⁰ Дальновидный геополитический анализ с выводом о неизбежном крушении Советского Союза см.: *Collins R.* Long-term Social Change and the Territorial Power of States // Research in Social Movements, Conflicts, and Change / L. Kriesberg (ed.). Vol. 1. Greenwich (Conn.): JAI Press, 1978. P. 1–34.
- ¹²¹ *Oye K. A.* Explaining the End of the Cold War: Morphological and Behavioral Adaptations to the Nuclear Peace? // International Relations Theory and the End of the Cold War / R. N. Lebow, Th. Risse-Kappen (eds.)... P. 57–84; *Gaddis J. L.* Hanging Tough Paid Off... P. 11–14; *Desch M. C.* Why the Soviet Military Supported Gorbachev and Why the Russian Military Might Only Support Yeltsin for a Price // J. of Strategic Studies. Vol. 16. № 4 (Dec. 1993). P. 455–489.
- ¹²² *Pushkov A. K.* Russia and America: The Honeymoon's Over // Foreign Policy. № 93 (Winter 1993/94). P. 77–90; *Porter B. D., Saitetz C. R.* The Once and Future Empire: Russia and the «Near Abroad» // Washington Quart. Vol. 17. № 3 (Summer 1994). P. 75–90.
- ¹²³ *Risse-Kappen Th.* Collective Identity in a Democratic Community: The Case of NATO... P. 357–399.
- ¹²⁴ *Kirkpatrick J.* Dictatorships and Double Standards... P. 34–45.
- ¹²⁵ *Walt S. M.* The Origins of Alliances. Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press, 1987.
- ¹²⁶ *Berger Th. U.* Norms, Identity, and National Security in Germany and Japan // The Culture of National Security... P. 318.
- ¹²⁷ *Idem.* From Sword to Chrysanthemum... P. 120, 147–148.
- ¹²⁸ См.: *Heilbrun J.* Germany's New Right // Foreign Affairs. Vol. 75. № 6 (Nov./Dec. 1996). P. 80–89; *Cowell A.* Pro-Nazi Incidents in German Army Raise Alarm // New York Times. 1997. Nov. 5. P. 4; *The Man* Japan Wants to Forget // Economist. 1995. Nov. 11. P. 85–86; *Stokes H. S.* Lost Samurai: The Withered Soul of Postwar Japan // Harper's. 1985. Oct. P. 55–63. Прекрасное исследование темной стороны японской послевоенной культуры пацифизма см.: *Buruma I.* The Wages of Guilt: Memories of War in Germany and Japan. N. Y.: Farrar, Straus, Giroux, 1994.
- ¹²⁹ *Katzenstein P. J.* Introduction... P. 11; *idem.* Conclusion... P. 523.
- ¹³⁰ На роль культуры в этом запаздывании указывает Томас Бергер (*Berger Th. U.* Norms, Identity, and National Security in Germany and Japan... P. 329). Однако следует иметь в виду, что такой разрыв во времени может быть вызван и другими факторами.
- ¹³¹ *Huntington S. P.* Political Order in Changing Societies. New Haven (Conn.): Yale Univ. Press, 1968. P. 194; *Millett A.* The American Political System and Civilian Control of the Military: A Historical Perspective. Columbus: Mershon Center, Ohio State Univ. Apr. 1979. P. 38; *Rice C.* The Party, the Military, and Decision Authority in the Soviet Union // World Politics. Vol. 60. № 1 (Oct. 1987). P. 80–81.
- ¹³² Я подробно аргументирую этот тезис в своей находящейся в печати книге: *Desch M. C.* Civilian Control of the Military: The Changing Security Environment. Baltimore (Md.): Johns

- Hopkins Univ. Press (forthcoming). О современных тенденциях в области гражданского контроля над военными в США и России см. также: *Weigley R. F.* The American Military and the Principle of Civilian Control from McClellan to Powell // *J. of Military History*. Vol. 57. № 5 (Spec. Iss., Oct. 1993). P. 27—58; *Bacevich A. J.* Clinton's Military Problem — and Ours // *Nat. Rev.* 1993. Dec. 13. P. 36—40; *Kohn R. H.* Out of Control: The Crisis in Civil-Military Relations // *Nat. Interest*. № 35 (Spring 1994). P. 3—17; *idem.* Upstarts in Uniform // *New York Times*. 1994. Apr. 10. P. 19; *Luttwak E. N.* Washington's Biggest Scandal // *Commentary*. Vol. 97. № 5 (May 1994). P. 29—33; *Dunlap Ch. J., Jr.* Welcome to the Junta: The Erosion of Civilian Control of the U.S. Military // *Wake Forest Law Review*. Vol. 29. № 2 (Summer 1994). P. 341—392; *Tsyupkin M.* Will the Military Rule Russia? // *Security Studies*. Vol. 2. № 1 (Autumn 1992). P. 38—73; *Foye S.* Post-Soviet Russia: Politics and the New Russian Army // *Radio Free Europe/Radio Liberty Research Report*. Vol. 1. № 33 (1992. Aug. 21). P. 5—12; *Nichols M.* The Sacred Cause: Civil-Military Conflict over Soviet National Security, 1917—1992. Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press, 1993; *Zisk K. M.* Civil-Military Relations in the New Russia // *Occasional Paper*. Columbus: Mershon Center, Ohio State Univ. Mar. 1993.
- ¹³³ *Taylor B. D.* Culture and Coups: The Norm of Civilian Supremacy (unpublished manuscript). Cambridge (Mass.): John M. Olin Inst. for Strategic Studies, Harvard Univ. Febr. 1996.
- ¹³⁴ *Taylor B. D.* The Russian Military in Politics: Civilian Supremacy in Comparative and Historical Perspective / Ph.D. diss.; Mass. Inst. of Technology. Sept. 1997. Tab. 1—5.
- ¹³⁵ *Waltz K. N.* International Politics Is Not Foreign Policy // *Security Studies*. Vol. 6. № 1 (Autumn 1996). P. 54.
- ¹³⁶ *Waltz K. N.* Theory of International Politics... P. 74, 124—128. Похоже, что Уолц в разных своих работах основывает вывод о поведенческом изоморфизме на трех различных и даже, быть может, взаимоисключающих объяснениях: в качестве причины этого изоморфизма он называет и механизм эволюционного отбора, и усвоение принятых в мире моделей поведения в ходе социализации, и научение посредством рационального осознания структурных ограничений. Колин Элман отмечает, что, хотя большинство ученых отводят ведущую роль гипотезе рационального осознания, другие гипотезы тоже имеют сторонников (*Elman C.* Horses for Courses: Why Not Neo-Realist Theories of Foreign Policy? // *Security Studies*. Vol. 6. № 1 (Fall 1996). P. 7—53.
- ¹³⁷ *Pollack K.* The Influence of Arab Culture on Arab Military Effectiveness / Ph. D. diss.; Mass. Inst. of Technology. Febr. 1996.
- ¹³⁸ Эту мысль высказывает и Скотт Саран: *Sagan S.* Culture, Strategy and Selection in International Politics / Paper presented at the Annual Meeting of the American Political Science Assoc. Wash. (D.C.). 1997. Aug. 28—31.
- ¹³⁹ *Waltz K. N.* Theory of International Politics... P. 78.
- ¹⁴⁰ *Katzenstein P. J.* Cultural Norms and National Security... P. 23; *Kier E.* Culture and French Military Doctrine before World War II... P. 190; *Herman R. G.* Identity, Norms, and National Security... P. 279; *Berger Th. U.* Norms, Identity, and National Security in Germany and Japan... P. 325. Впрочем, в другом месте своей книги Катценштайн признает, что иногда международная структура накладывает весьма жесткие ограничения (*Katzenstein P. J.* Cultural Norms and National Security... P. 4—5).
- ¹⁴¹ См.: *Elkins D. J., Simeon R. E. B.* A Cause in Search of Its Effect... P. 127.
- ¹⁴² *Legro J. W.* Military Culture and Inadvertent Escalation in World War II... P. 116.
- ¹⁴³ *Legro J. W.* Cooperation under Fire... P. 231. См. также: p. 25.
- ¹⁴⁴ *Kier E.* Culture and French Military Doctrine before World War II... P. 187.